

и свинцом так, чтобы стекло его восприняло. Правда, Платон и другие философы говорили, что видим мы не потому, что зримое проникает в глаз, но потому, что зрительная способность, выйдя наружу, достигает видимого извне; мнение это опровергается как ложное в книге «Об ощущении и ощущаемом».

Поняв, как устроено зрение, легко увидеть, что, хотя звезда всегда одинаково ясна и лучезарна и не подвержена никаким изменениям, кроме локальных перемещений, как это доказывается в книге «О небе и Вселенной», все же она по многим причинам может казаться не ясной и не лучезарной. Она может выглядеть так из-за постоянно изменяющейся среды. Изменяется же эта среда от большего или меньшего количества света, в зависимости от присутствия солнца или от его отсутствия; и в его присутствии среда, будучи прозрачной, настолько полна света, что она побеждает звезду, которая поэтому больше не кажется лучезарной. Изменяется также эта среда, превращаясь из тонкой в плотную, из сухой во влажную благодаря постоянно поднимающимся от земли испарениям: среда же эта, изменившаяся таким образом, изменяет и зрительный образ звезды, который, проходя через нее, от ее плотности темнеет, а от ее сухости или влажности меняет свой цвет. Это может происходить и по вине органа зрения, то есть глаза, который от болезни или усталости изменяется, теряя прозрачность и слабея; так, нередко в результате болезненных нарушений оболочка зрачка наливается кровью и все предметы тогда кажутся алыми, в том числе и звезда. Ослабление зрения в свою очередь ослабляет зрительную способность, отчего предметы кажутся не четкими, а расплывчатыми, как буквы на мокрой бумаге; вот почему многие, желая что-нибудь прочесть, отдаляют написанное от себя, дабы изображение проникало в глаза легче и с большими подробностями; благодаря этому письменный текст предстает взору более отчетливым. Потому-то и звезда может казаться искаженной: я и сам это испытал в том же году, когда родилась эта канцона и когда, сильно утомив зрение упорным чтением, я настолько ослабил свои зрительные способности, что все светила казались мне окруженными какой-то дымкой. Долгим же отдыхом в темных и прохладных помещениях и охлаждением глазного яблока чистой водой я воссоединил рассеянные способности настолько, что зрение мое снова стало хорошим. Итак, на основании приведенных доводов обнаруживаются многие причины, по которым звезда может казаться не такой, какая она есть на самом деле.

X.

Покончив с этим отступлением, которое было необходимо, чтобы увидеть истину, я возвращаюсь к предмету нашего разговора. Подобно тому как глаза наши иногда «называют» светило и судят о нем неверно, точно так же и упоминавшаяся баллата передавала мое представление о благородной даме, противоречившее истине вследствие болезни души, которая была пристрастна от чрезмерного желания. Это я и имею в виду, когда говорю: «Трепещет вновь душа...» – признаваясь, что она трепетала и раньше, когда мне казалось жестоким то, что я усматривал в облике дамы. При этом надо помнить, что чем больше действительное начало соединяется с объектом, на который оно направлено, тем сильнее и страсть, как это можно уяснить из суждения философа в книге «О возникновении». Поэтому чем ближе желанный предмет к желающему, тем сильнее желание, тем более страстной становится душа, тем полнее объединяется она с вождедеющим началом и тем больше удаляется от разума. И тогда она судит о другом не как человек, но почти так же, как другое животное, основываясь на своем представлении и не различая истины. Вот почему существо на самом деле скромное нам кажется надменным и жестоким; из такого чувственного суждения как раз и исходила названная баллата. И если иметь в виду ее расхождение с настоящей канцонной, то вполне очевидно, что последняя, описывая благородную даму, основывается на истине. Говоря о «лучах грядущих дней», я хочу показать великую власть, которую глаза ее имели надо мной: их лучи пронизывали меня со всех сторон, как будто я был прозрачным. И можно было бы привести как естественные, так и сверхъестественные причины этого; однако здесь достаточно того, что было сказано: мне будет удобнее вернуться к этому вопросу в другом месте.

Далее, когда я говорю: «Ты оправдаешься, не виновата...» – я приказываю канцоне, исходя из вышесказанного, оправдаться, если она сочтет нужным, то есть сделать это в том случае, когда противоречие между ней и баллатой кого-нибудь удивит; иными словами, если кого-либо